

О. С. Лалетина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
olalet@mail.ru

Е. В. Хворостьянова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
ekhvorost@mail.ru

ГРАММАТИКА РИФМЫ М. В. ЛОМОНОСОВА¹

В статье представлены результаты обобщающего описания данных Словаря рифм М. В. Ломоносова (2011) в аспекте грамматического контраста рифмопар, употребительности однородных и разнородных рифм в текстах разных жанров. На основе сопоставления грамматических характеристик рифмы Ломоносова, творчество которого приходится на период «первой стабилизации» рифмы, и рифмы К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского — поэтов следующей эпохи «первого кризиса» рифмы, уточняется ряд общепринятых положений об эволюции русской рифмы.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, русский стих, история русской рифмы, грамматика рифмы, каталектика, словарь поэтического языка, словарь рифм.

Olga S. Laletina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. olalet@mail.ru

Elena V. Khvorostianova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. ekhvorost@mail.ru

Grammar of rhyme of M. V. Lomonosov

The article presents the results of a generalizing statistical and analytical description of the data from the Dictionary of the Rhymes by M. V. Lomonosov (2011) in the aspect of grammatical contrast of rhyme pairs, the use of homogeneous and heterogeneous rhymes in the texts of different genres. Based on a comparison of the grammatical characteristics of the rhyme of Lomonosov, whose work falls on the period of the «first stabilization» of the rhyme, and the rhymes of K. N. Batyushkov, A. S. Pushkin and E. A. Baratynsky (the poets of the next era of the «first crisis» of Russian rhyme), some generally accepted statements about the evolution of Russian rhyme are specified.

¹ Выражаем глубокую признательность Н. Н. Казанскому за ценные профессиональные консультации, А. В. Нестерову за практическую помощь в обработке статистического материала.

We put forward and substantiate the assumption that it was Lomonosov who established the grammatical «norm» of rhyming of classical verse of the 18th–19th centuries, and it did not change significantly until the turn of the 19th–20th centuries (nouns > verbs > adjectives > other parts of speech). We also formulate the thesis that it was Lomonosov who set the «degree of grammaticality» of Russian classical verse, since it remained unchanged in Batyushkov's poetry, and although it slightly decreased in the works of Pushkin and Baratynsky, it only slightly affected the main types of grammatical combinations.

It is shown that homogeneous rhymes of different parts of speech in Lomonosov's works are characterized by different degrees of contrast. It is determined that despite a slightly higher proportion of homogeneous rhymes compared to the authors of the early 19th century, their grammatical contrast is more pronounced in the work of Lomonosov.

On the basis of statistical calculations, it was revealed that the grammatical features of rhyming pairs in Lomonosov's poetry clearly contrast works of different genres with each other. As a result of comparing the obtained data with the data on the rhyme of later Russian authors, it was found that the shares of grammatical combinations in the rhymes of poets of the 18th–19th centuries differ less significantly than in the leading genres of Lomonosov.

Keywords: M. V. Lomonosov, Russian vers, history of Russian rhyme, grammar of rhyme, catalectics, dictionary of poetic language, dictionary of rhymes

Настоящая статья обобщает данные Словаря рифм Ломоносова (Kazansky 2011a; 2011b)² в аспекте грамматических контрастов рифмопар, употребительности однородных и разнородных рифм в разных жанрах стихотворного наследия поэта. Во избежание возможных недоразумений и разночтений при сравнении данных Метрико-строфического справочника (Kazansky 2010) с данными приведенных ниже таблиц (по количеству разного рода клаузул, рифмованных и нерифмованных окончаний и т. п.) уточним, что в описание рифмы поэта включены все рифмопары, поэтому для рифменных цепей в числе рифмопар учтены все пары слов, находящихся на финальных позициях стихов, которые объединены рифмой (например, в «[Возражении на притчу “Осел во львиной коже”

² К сожалению, после публикации словаря был обнаружен ряд опечаток, в настоящей статье при подготовке таблиц данные скорректированы; за принципиально важную лексикологическую правку данных словаря рифм выражаем исключительную благодарность Е. Б. Кузьминой.

притча “Свинья в лисьей коже”]» для цепи, связывающей 5, 6 и 7 стихи — «моргала — ступала — стала» — на 3 женских окончания фиксируется 3 рифмопары: моргала — ступала, моргала — стала, ступала — стала). В дальнейшем вся статистика приводится с учетом указанных поправок, в том числе по клаузульным вариантам: так, если общий корпус стихов Ломоносова включает по данным Метрико-строфического справочника 6590 мужских, 7331 женское и 4 дактилических окончания, то дважды или трижды учтенные в цепях как рифмопары, они дают несколько иные величины при описании рифмованного стиха в грамматическом аспекте (этим обстоятельством объясняется и некоторое различие в подсчетах словоупотреблений в статистике грамматических форм полного корпуса стиха Ломоносова, с одной стороны, и рифмопар, объединенных рифменным сегментом, — с другой). Впрочем, ввиду незначительности величин эти расхождения существенно не влияют на статистику и выводы настоящего описания.

На долю рифмованного стиха Ломоносова приходится 13531 окончание (6433 мужских, 7096 женских, 2 дактилических). Они формируют 6812 рифмопар (3218 мужских, 3592 женских, 1 дактилическую и 1 разноударную (?)), причем из 16 частей речи, используемых поэтом на конечной позиции стиха, лишь *част.* не входят в рифмопары. В целом же пропорции рифмующихся частей речи несущественно отличаются от общих данных по окончаниям белого и рифмованного стиха, поскольку стих Ломоносова преимущественно рифмованный. Между тем сопоставление частеречного состава рифмы поэта, творчество которого приходится на период первой стабилизации рифмы, с аналогичным составом рифм Батюшкова, Пушкина и Баратынского — поэтов следующей эпохи так называемого «первого кризиса русской рифмы» (Gasparov 2010: 298–299), позволяет отчасти пересмотреть некоторые общепринятые положения об эволюции рифмы, отчасти взглянуть под иным углом зрения на логику исторических изменений рифменных предпочтений русских поэтов.

Так, описывая общие тенденции развития рифмы, М. Л. Гаспаров отмечал в качестве одной из важнейших деграмматизацию, т. е. постепенное движение «от однородных к неоднородным рифмам, <...> от подчеркнутого параллелизма к затушеванному» (Gasparov 2010: 293). На материале данных полного

корпуса рифм трех поэтов начала XIX в. Т. Шоу не только уточнил, что расширение рифменного репертуара от классицизма к романтизму происходит, в том числе, и за счет усиления грамматического контраста в рифмопарах, объединяющих одинаковые части речи, но все чаще не совпадающих в роде, числе, падеже, виде и т. п., но и указал на целый ряд иных динамических изменений в сфере грамматики русской рифмы. Отметим лишь наиболее существенные из них:

1) Постепенное понижение доли *гл.*, причем всех его форм (спрягаемых, инфинитивов и императивов) (Shaw 2004: 348–349).

2) Увеличение доли *мест.*, что, по мнению Т. Шоу, объясняется характерным для романтизма выдвиганием индивидуального начала: «в XVIII в. эта часть речи была не привлекательна для рифмы» (Shaw 2004: 348), резкий ее подъем в начале XIX в. — «это отражение перемен в поэтической чувствительности: все более заметны становятся поэтическое “я” и межличностное “я — ты”» (Shaw 2004: 382).

3) Ощутимое повышение доли *нареч.* и *деепр.* (Shaw 2004: 349–350).

4) Нарастание от Батюшкова к Баратынскому доли *прич.* По словам Т. Шоу, «в языке они — признак “литературности”, особенно в полной своей форме, как активной, так и пассивной» (Shaw 2004: 361).

Эти тезисы, не вызывающие сомнения при сравнительно-сопоставительном рассмотрении данных словарей рифм Батюшкова (Shaw 1975b), Пушкина (Shaw 1974) и Баратынского (Shaw 1975a), неизбежно получают иную интерпретацию на фоне частеречного состава рифмы Ломоносова (см.: Табл. 1). Необходимо отметить, что выделяемые Т. Шоу части речи и их группы не совпадают полностью с теми, которые фиксировались в Словаре рифм Ломоносова, поэтому для настоящей таблицы, включающей наиболее частотные части речи четырех поэтов, была произведена необходимая унификация данных: группа *гл.* представлена дифференцировано (личные *гл.*, императивы и *инф.*); *мест.* и *мест.-прил.*, фиксируемые нами отдельно, напротив, объединены здесь — по образцу словарей Т. Шоу — в одну группу.

Таблица 1. Части речи в рифмованном стихе Ломоносова, Пушкина, Батюшкова и Баратынского (в %) ³

	Ломоносов	Батюшков	Пушкин (лицейская лирика)	Пушкин (послелицейская лирика)	Баратынский
Личн. гл.	24,6	20,8	17,4	17,5	15,8
Деепр.	1,2	0,5	1,0	1,4	1,6
Императив	2,3	1,1	1,2	0,7	0,8
Инф.	5,5	3,5	2,4	2,0	1,0
Мест. и мест. -прил.	5,1	6,2	6,5	8,2	13,5
Нареч.	2,1	2,0	1,9	3,8	3,5
Предикат.	0,3	0,4	0,5	0,7	0,6
Прил.	8,3	12,4	13,9	12,7	13,6
Прич.	3,6	1,6	2,4	1,7	2,3
Сущ.	47,5	51,5	52,4	50,4	46,3

Доля *гл.* на рифме от Ломоносова к Баратынскому, действительно, существенно снижается (от 32,4 % до 17,6 %). Но если разница в употребительности личных *гл.* между старшим и младшим современниками — Батюшковым и Баратынским — составляет 5 %, то между Ломоносовым и Батюшковым — всего 3,8 %. В то же время соотношение «личные *гл.* > *инф.* > *повел.*» у романтиков, несмотря на существенную трансформацию жанровой системы, остается фактически неизменным. Доля императивов, которая у Батюшкова по сравнению с Ломоносовым снизилась более чем в 2 раза, также не претерпевает серьезных изменений на протяжении первой трети XIX в.

Отмеченный Т. Шоу рост *мест.* на рифме у романтиков более чем в 2 раза от Батюшкова к Баратынскому, безусловно, показателен, и все же употребительность этой части речи у Ломоносова, Батюшкова и Пушкина-лицеиста почти не ощутима и может рассматриваться в пределах статистической погрешности. Тем самым объяснение увеличения доли *мест.* в послелицейском творчестве Пушкина и, особенно, в поэзии

³ В настоящей таблице приводятся лишь данные по наиболее частотным частям речи, встречающимся у всех четырех поэтов.

Баратынского, вероятно, не следует связывать исключительно с выдвиганием индивидуального начала. Этот факт может объясняться как увеличением доли разнородных рифм (*мест.* + *гл.*, *мест.* + *сущ.*, *мест.* + *нареч.* и т. д.), так и жанрово-тематическим составом описанного материала.

Возрастание употребительности *нареч.* и *деепр.* — как следует из данных Табл. 1 — еще менее значительно, нежели рост *мест.*, но данные по лирике Батюшкова и лицейскому творчеству Пушкина демонстрируют, что доля указанных частей речи к началу романтической эпохи уже существенно снизилась по сравнению с поэзией Ломоносова и незначительно поднялась лишь к ее концу.

Наконец, *прич.* — «признак “литературности”» (Shaw 2004: 361) — в стихе Ломоносова оказываются на рифменной позиции не реже, но, напротив, много чаще: в 2,5 раза по сравнению с послелицейским творчеством Пушкина и почти в 1,5 раза по сравнению с творчеством Баратынского. Возможно, доля *прич.* отчасти отрицательно коррелирует с долей *прил.* в русской рифме. Так, если *прил.* — с небольшими флуктуациями — постепенно (хотя и незначительно) возрастают, то доля *прич.*, напротив, снижается. Тем самым в контексте стиха у романтиков все чаще отдается предпочтение определению через субстанциональные характеристики, нежели определению через характеристики функциональные.

Вопрос о том, насколько стих Ломоносова репрезентативен для сравнения со стихом первой трети XIX в., разумеется, остается открытым, особенно учитывая сложную и до сих пор не описанную практику сумароковской школы, сентиментализма и предромантизма. Однако настоящее сопоставление позволяет заключить, что, с одной стороны, грамматическую «норму» рифмовки классического стиха⁴ (*сущ.* > *гл.* > *прил.* > других частей речи) устанавливает именно Ломоносов, причем она существенно не меняется до рубежа XIX–XX вв.; с другой — вне комплексного описания рифмы Третьяковского, Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Державина, Карамзина и других поэтов, чьи произведения послужили следующим поколениям образцами не только для подражания, но и для полемического «отталкивания», реконструировать логику развития грамматики

⁴ В данном случае речь идет о стихе XVIII–XIX вв., а не только о классических размерах.

русской рифмы, опираясь лишь на имеющиеся описания полного корпуса рифм четырех поэтов, едва ли возможно.

Более информативен для характеристики рифменной стратегии Ломоносова и эволюции русской рифмы грамматический анализ рифмопар. Из теоретически возможных 120 видов сочетаний частей речи на рифме Ломоносов использует 57⁵. Характерно, что грамматическое разнообразие рифмопар не обусловлено частотностью использованных частей речи: так, если *сущ.* рифмуется у поэта с 13-ю частями речи, то второе место — вопреки ожиданиям — занимают *прил.* и *нареч.* (!), каждое из которых рифмуется с 12-ю частями речи; несколько отстают от них *гл.* и *мест.-прил.* — по 10 различных сочетаний; наконец, на четвертой позиции оказывается *мест.*, рифмующееся с 9-ю частями речи (см.: Табл. 2.). Очевидное предпочтение Ломоносов отдает однородным рифмам (73,3 %), однако из 15 частей речи 1/3 принимает в качестве рифмопары только другую часть речи, т. е. формирует исключительно разнородные сочетания (*вв.сл.*, *межд.*, *предл.*, *союз*, *числ.*). Абсолютное большинство однородные рифмы составляют среди *сущ.*, *гл.* и *прич.*, в то время как *прил.*, *деепр.*, *мест.*, *мест.-прил.*, *нареч.*, *предикат.* чаще рифмуются с *сущ.*, а не с той же частью речи. В то же время ни одна из частей речи не использует исключительно однородную рифму.

В целом «степень грамматичности» русского классического стиха, вероятно, была задана именно Ломоносовым, поскольку она осталась неизменной в поэзии Батюшкова (те же 73,3 % однородных рифм (Shaw 1975b, XXIX)), а в творчестве Пушкина и Баратынского хотя и несколько снизилась (соответственно, 67,2 % (Shaw 1974, XXXIII) и 63,8 % (Shaw 1975a, XVIII)), однако слабо затронула основные виды грамматических сочетаний: *сущ.* + *сущ.* (*слава — держава*), *гл.* + *гл.* (*радеют — владеют*), *прил.* + *прил.* (*глубокой — высокой*). Так, например, если у Ломоносова среди рифмопар, включающих *сущ.*, 63,2 % являются однородными, и только 36,8 % разнород-

⁵ К сожалению, статистики по использованным типам грамматический сочетаний в рифмопарах до сих пор не существует. Опираясь лишь на предпринятое Д. Вортом описание рифменной грамматики «Евгения Онегина», отметим для сравнения, что в пушкинском романе, который, по мнению большинства исследователей, отличается редким рифменным разнообразием и обилием так называемых «непредсказуемых» рифм, используется около 40 типов (Worth 1978).

ными, то у Батюшкова доля однородных рифм для всех рифм с *суц.* составляет 65,9 % (Shaw 1975b, ХХІХ), у Пушкина — 60,2 % (Shaw 1974, ХХХІІІ), у Баратынского — 58,9 % (Shaw 1975a, ХVІІІ). Столь же незначительно и снижение доли *гл. + гл.*: у Ломоносова в качестве партнера *гл.* выбирает ту же часть речи в 77 % рифмопар, у Батюшкова — в 75,1 % (Shaw 1975b, ХХІХ), у Пушкина — в 72,3 % (Shaw 1974, ХХХІІІ), у Баратынского — в 67,3 % (Shaw 1975a, ХVІІІ), причем эта деграмматизация фактически не затронула *инф.*, но предпочла личные *гл.* и наиболее выраженной оказалась благодаря активно вытесняемым императивам, которые в творчестве романтиков в качестве рифменных партнеров все чаще используют иную часть речи. Что же касается рифмовки *прил. + прил.*, которой поэты начала ХІХ в. отдают большее предпочтение, нежели поэты предшествующего столетия, она, напротив, укрепляется: в то время как доля однородных рифмопар среди всех рифм с *прил.* у Ломоносова составляет 36,7 %, у Батюшкова — 46,1 % (Shaw 1975b, ХХІХ), у Пушкина — 42,5 % (Shaw 1974, ХХХІІІ), у Баратынского — 41,3 % (Shaw 1975a, ХVІІІ). Тем самым среди всех однородных рифм доля трех наиболее частотных типов, составляющая у Ломоносова 93,8 %, несколько повысилась в творчестве Батюшкова (96,3 %), вернулась к первоначальному варианту у Пушкина (93,5 %) и немного снизилась у Баратынского (90,7 %). Очевидно, что незначительные колебания в использовании однородных и разнородных рифм на протяжении первого пореформенного столетия не демонстрируют общую логику развития русского стиха, отражая, скорее жанровые и идиостилевые предпочтения поэтов ХVІІІ — первой трети ХІХ в. Впрочем, не последнюю роль в сформированной Ломоносовым традиции рифмовки русского классического стиха сыграл и языковой потенциал: однородные рифмы *гл. + гл.* (*таится — открыться, желает — прославляет*), *прил. + прил.* (*мирным — зефирным, прекрасен — ужасен*), *прич. + прич.* (*избранный — осиянный, зовущих — мятущих*), *нареч. + нареч.* (*жарко — ярко, удобно — подобно*), *деепр. + деепр.* (*блистая — ударяя, простираясь — устремляясь*) — преимущественно женские; *мест. + мест.* (*тебе — себе, без меня — у нея*), *мест.-прил. + мест.-прил.* (*сей — мой, мою — свою*) — преимущественно мужские; лишь среди рифмопар *суц. + суц.*, флексивный потенциал которых более разнообразен, доли клаузул разного типа относительно равны (*человек — век, журчанье — воркотанье*).

Таблица 2. Рифмопары

(по частям речи, мужская, женская, дактилическая и разноударная (?) рифма)

Части речи		Количество рифмопар				
		М	Ж	Д	Рз (?)	Всего
Вв.сл.	+ нареч.		1			1
	+ предикат.		1			1
	+ прил.		1			1
Гл.	+ гл.	700	1191			1891
	+ дееспр.	4				4
	+ мест.	7	1			8
	+ мест.-прил.	13	6			19
	+ нареч.	9	4			13
	+ предикат.	4				4
	+ прил.	17	1			18
	+ прич.	8				8
	+ союз	1				1
+ сущ.	394	97			491	
Дееспр.	+ гл.	4				4
	+ дееспр.	7	27			34
	+ мест.	17				17
	+ мест.-прил.	3	5			8
	+ нареч.	1				1
	+ прил.	10	19			29
+ сущ.	28	14			42	
Межд.	+ сущ.	1				1
Мест.	+ гл.	7	1			8
	+ дееспр.	17				17
	+ мест.	21	5			26
	+ мест.-прил.	51	5			56
	+ нареч.	2				2
	+ прил.	6	3			9
	+ прич.	1				1
	+ сущ.	124	62			186
+ числ.	2				2	
Мест.-прил.	+ гл.	13	6			19
	+ дееспр.	3	5			8
	+ мест.	51	5			56
	+ мест.-прил.	38	1			39
	+ нареч.	2				2
	+ прил.	24	10			34
	+ прич.	2				2
	+ сравн.		2			2
+ сущ.	133	24			157	

	+ числ.	1			1
Нареч.	+ вв.сл.		1		1
	+ гл.	9	4		13
	+ деепр.	1			1
	+ мест.	2			2
	+ мест.-прил.	2			2
	+ нареч.	1	43		44
	+ предикат.		8		8
	+ прил.	1	53		54
	+ прич.	1			1
	+ союз	1			1
	+ сравн.		1		1
	+ сущ.	65	49		114
Предикат.	+ вв.сл.		1		1
	+ гл.	4			4
	+ нареч.		8		8
	+ предикат.		1		1
	+ прил.		9		9
	+ сущ.	14			14
Предл.	+ прил.		1		1
	+ сравн.		2		2
	+ сущ.	2	1		3
Прил.	+ вв.сл.		1		1
	+ гл.	17	1		18
	+ деепр.	10	19		29
	+ мест.	6	3		9
	+ мест.-прил.	24	10		34
	+ нареч.	1	53		54
	+ предикат.		9		9
	+ предл.		1		1
	+ прил.	6	297		303
	+ прич.	5	38		43
	+ сущ.	95	229		324
	+ числ.	1			1
Прич.	+ гл.	8			8
	+ мест.	1			1
	+ мест.-прил.	2			2
	+ нареч.	1			1
	+ прил.	5	38		43
	+ прич.	53	105		158
	+ сущ.	52	60		112
Союз	+ гл.	1			1
	+ нареч.	1			1
Сравн.	+ мест.-прил.		2		2

	+ нареч.		1			1
	+ предл.		2			2
	+ сравн.		5			5
	+ сущ.		5			5
Сущ.	+ гл.	394	97			491
	+ дееспр.	28	14			42
	+ межд.	1				1
	+ мест.	124	62			186
	+ мест.-прил.	133	24			157
	+ нареч.	65	49			114
	+ предикат.	14				14
	+ предл.	2	1			3
	+ прил.	95	229			324
	+ прич.	52	60			112
	+ сравн.		5			5
	+ сущ.	1287	1205	1	1	2494
	+ числ.	3				3
Числ.	+ мест.	2				2
	+ мест.-прил.	1				1
	+ прил.	1				1
	+ сущ.	3				3

Проблема грамматического контраста рифмы, разумеется, не исчерпывается рифмовкой одинаковых или различных частей речи. Далеко не последнюю роль играет также совпадение / контраст рифмослов по набору их грамматических характеристик. Каких-либо репрезентативных описаний грамматического контраста однородных рифм русского стиха на разных этапах его исторического развития до настоящего времени не предпринималось. Между тем общепринятым является представление о том, что однородные грамматические («суффиксальные» или «флективные» — Schirmunsky 1975: 291) рифмы культивировались преимущественно в XVII в., в пореформенную эпоху начинается освоение неоднородных, а начало XIX в. отмечено не только резким расширением класса последних, но и использованием однородных неграмматических рифм. По словам Р. О. Якобсона, «подоплека новшеств рифмовки, связанных с творчеством Лермонтова и Тютчева, лежит <...> в переходе от установки поэтов на грамматическую рифму к антиграмматической ориентации» (Jakobson 1962: 5). Впрочем, Д. Ворт связывает переход к антиграмматической ориентации русских поэтов с творчеством не Лермонтова и Тютчева, а их ближайшего предшественника — Пушкина (Worth 1978: 814).

Как известно, в 1970-е гг. были предложены два способа исчисления грамматического и грамматико-синтаксического контраста русской рифмы, выработанные на материале пушкинского стиха. Д. Ворт, рассматривавший динамические изменения степени грамматического контраста по главам «Евгения Онегина», в основу своей таксономии положил «принцип убывания грамматического соответствия» между рифмующимися словами, выделив «три главные группы: **Группа 1**, в которой имеется полное грамматическое соответствие между членами рифмующейся пары (*наука / скука, забавлять / поправлять* и т. д.); **Группа 2**, в которой рифмующиеся партнеры, хотя и принадлежат к одной и той же части речи, но проявляют различную степень грамматического несоответствия (*тьнь / день, Евгений / наслаждений, убогий / строгой* и т. д.); **Группа 3**, в которой различны сами части речи (*дым / голубым, воспевал / идеал, реке / вдалеке* и т. д.)» (Worth 1978: 775). Если этот «верхний ярус» классификации не только не вызывает сомнений в корректности, но и был позднее востребован при описании рифмы другими исследователями (см., например: Gasparov 2010), то проблематичным для интерпретации результатов является дифференцированное описание в пределах каждой из обозначенных групп. Оно предполагает различную степень соответствия рифм по количеству совпадающих грамматических характеристик (например, *сущ. + сущ.*: совпадение / несовпадение в роде, роде и падеже, падеже и числе, числе и роде, падеже, числе и роде; или *сущ. + прил.*: совпадение / несовпадение по фонологической форме и по значению) (Worth 1978: 790–795, 800–801)). Являясь предельно подробной, эта типология удобна для анализа рифменной композиции большой формы (например, долей *мест.* или *гл.* прошедшего времени в каждой из глав романа), но не позволяет выявить пушкинскую «норму» грамматического контраста в числовом выражении для однородных рифм. Так, вывод о переходе Пушкина к антиграмматической рифмовке делается на том основании, что над рифмопарами 1 Группы (43,4 %) преобладают рифмопары 2-й и 3-й Групп (56,4 %), предполагающие различную степень грамматического несоответствия.

Т. Шоу, напротив, с одной стороны, «уравнивает» контрасты любого типа, условно обозначая величину каждого единицей, с другой — включает в систему контрастов не только грамматический, но и синтаксический параметр (например: контраст *сущ. + сущ.*, одно из которых является в предложении

подлежащим, второе — дополнением; или контраст *гл.* + *гл.*, совпадающих по грамматическим характеристикам, но различающихся субъектом действия и т. п.) (Shaw 1974: XXXI–XLIII). Очевидно, что проблематичным в данном случае остается, во-первых, числовое выражение контрастов, поскольку восприятие их «силы» читателем (подтверждение или нарушение рифменного ожидания) в значительной степени предопределяется сложившейся поэтической традицией, включающей не только требования фонетического и грамматического соответствия, но и семантический аспект, устанавливающий нередко более сильную связь между словами разных частей речи (*рука — легка*), нежели обладающих одинаковой частеречной принадлежностью (*рука — мошка*). Учитывая то обстоятельство, что каждая из частей речи обладает разным количеством грамматических характеристик и при вычислении контраста для неоднородных рифм предлагается оценивать количество отсутствующих признаков (например, отсутствие таких категорий, как вид, наклонение, лицо, время для *сущ.* в рифмопаре *сущ.* + *гл.*), числовое выражение контраста рифм разных типов (например, *сущ.* + *гл.*, *сущ.* + *мест.*, *мест.* + *гл.*) — показатель, фиксирующий не столько степень формально выраженного конфликта, со-противопоставления, порождающего, по словам Ю. М. Лотмана, «неожиданные смысловые эффекты» (Lotman 1972: 62), сколько языковой потенциал русской рифмы. Во-вторых, объединение грамматического и синтаксического контраста, показательное для анализа эволюции стиха, обладающего строго определенными метрико-строфическими и клаузульными характеристиками (например, 4-стопный ямб, одическая строфа), вызывает сомнение при сопоставлении данных по стиху отдельных поэтов или этапов развития русской поэзии, существенно различающихся метрическим и строфическим репертуарами. Героический александриец трагедии или эпической поэмы предполагает иной ритмико-синтаксический и рифменный строй, нежели имитирующий народный былинный стих 4-стопный хорей с дактилическими окончаниями или 4-стопный ямб со сплошными мужскими окончаниями. Тем самым коэффициент грамматико-синтаксического контраста, рассчитанный для одного произведения или жанрово-тематической группы, оказывается мало показательным, поскольку в одних случаях он обусловлен большей долей разнородных рифм, в других — однородных рифм с максимальным количеством контрастов, в третьих — однородных грамматических рифм с

выраженной степени синтаксического контраста. Вероятно, на настоящем начальном этапе описания грамматики русской рифмы следовало бы выявить не только пропорции разнородных / однородных рифм, но и в пределах последних наличие или отсутствие, а также частотность грамматических контрастов.

Нареч., *предикат.* и *сравн.* не имеют грамматических характеристик, поэтому контрасты в рифмах *нареч.* + *нареч.*, *предикат.* + *предикат.* и *сравн.* + *сравн.* невозможны. Среди однородных рифм других частей речи — всех без исключения — у Ломоносова встречаются неграмматические рифмы с разной степенью контраста (см.: Табл. 3). Наименьший контраст демонстрируют пары *гл.* + *гл.*, *прич.* + *прич.* и *деепр.* + *деепр.* Рифмы *с гл.* в поэзии Ломоносова, как было отмечено, характеризуются максимальной долей однородных рифм. При этом в 80,2 % из них *гл.* совпадают по всем грамматическим признакам, поэтому коэффициент контраста глагольных рифм (отношение общего числа контрастов к числу рифмопар) невысок — 0,29. Самым частотным из встречающихся контрастов является несовпадение по виду (*взволновался (сов. прош. ед. м.) — сражался (несов. прош. ед. м.)*), более редки контрасты одновременно по виду и времени, но за ними у Ломоносова оказываются рифмопары с максимальным количеством контрастов — по виду, наклонению, времени, числу и лицу (*лились (несов. прош. мн.) — возвратись (сов. повел. ед. 2 л.)*), демонстрирующие уход от морфологического и синтаксического параллелизма силлабического стиха. *Прич.* в однородных рифмах Ломоносова проявляют еще меньшую степень контраста, нежели *гл.*, — 0,24, относительно часто давая различия в падеже (*от зараженных (страд. прош. мн. род.) — в удаленных (страд. прош. мн. пр.)*), а также одновременно в роде, числе и падеже (*парящий (действ. наст. м. ед. им.) — лежащи (действ. наст. мн. вин.)*). Наконец, в однородных рифмах *деепр.* лишь в двух случаях Ломоносов допускает контраст по виду: *лишася (сов.) — веселяся (несов.)* («Ныне употребляемое саксонских крестьян “Отче наш”») и *возвратясь (сов.) — веселясь (несов.)* («Тамира и Селим»), поэтому грамматический контраст здесь минимален (0,06).

Однородные рифмы *сущ.* + *сущ.* и *прил.* + *прил.* также характеризуются преобладанием грамматических рифм над неграмматическими. Вместе с тем они демонстрируют значительно более выраженный контраст, нежели рифмы *гл.* + *гл.* Среди всех рифмующихся *сущ.* у Ломоносова — поэта эпохи

грамматической ориентации — доля однородных рифм *сущ. + сущ.*, как отмечалось, несколько меньше, чем у Батюшкова и несколько больше, чем у Пушкина и Баратынского, в творчестве которых формируется противоположная, антиграмматическая ориентация. Тем более поразительным оказывается тот факт, что в этом типе рифм лишь 37,7 % являют полное грамматическое соответствие (*быстриной — шириной* (ж. ед. тв.), *света — совета* (м. ед. род.)). На втором месте по частотности использования рифмопары с максимальным контрастом, объединяющие *сущ.*, не совпадающие одновременно в роде, числе и падеже (*среди славы* (ж. ед. род.) — *нравы* (м. мн. им.)). Для сравнения: в «Евгении Онегине» Пушкина рифмы с максимальным контрастом уступают рифмам с несовпадением только в падеже (Worth 1978: 796). В целом же коэффициент грамматического контраста *сущ. + сущ.* у Ломоносова составляет 1,15, что существенно больше, нежели у Пушкина (0,92 (Shaw 1974: XXXVII)). Иными словами, формируя новую стратегию рифмовки силлаботонического стиха, Ломоносов задает установку на выраженный контраст *сущ.*, сменяющих на рифменной позиции предпочитаемую силлабическим стихом часть речи — *гл.* В отличие от *сущ.*, *прил.* у Ломоносова чаще, чем у поэтов начала XIX в., рифмуются с иной частью речи, но и в однородных рифмах они показывают высокую степень контраста (0,53), причем самым частотным оказывается несовпадение в падеже (*в Балтийских* (мн. пр.) — *Российских* (мн. род.)).

Однородные рифмы *мест. + мест.* и *мест.-прил. + мест.-прил.* в поэзии Ломоносова отличаются наибольшей степенью контраста. *Мест.* у поэта, как правило, рифмуются с *сущ.* или *мест.-прил.*, а местоименные рифмы — единственные среди однородных, где совпадение по всем грамматическим характеристикам исключено. Степень контраста достигает здесь максимума — 2,0, причем самыми частотными являются контрасты в лице и числе (*тебе* (2 л. ед. дат.) — *себе* (дат.)). Рифмопары *мест.-прил. + мест.-прил.*, хотя и встречаются без контрастов, но чаще все же не совпадают в падеже (*своей* (ж. ед. тв.) — *моей* (ж. ед. дат.)), тем самым резко повышая коэффициент контраста до 0,89.

Обобщенные данные по стиху Ломоносова позволяют заключить, что однородные рифмы разных частей речи в творчестве поэта характеризуются разной степенью контраста — варьируются и доли неграмматических рифм, и количество несовпадающих грамматических признаков рифмующихся слов.

Корректная интерпретация полученных результатов невозможна без сопоставительного анализа с данными по языковому потенциалу русской рифмы и репрезентативному корпусу текстов русских поэтов XVIII — начала XIX в. Однако, и на настоящем этапе исследования можно утверждать, что несмотря на несколько более высокую по сравнению с романтиками долю однородных рифм, грамматический контраст их выражен у Ломоносова сильнее. В этом смысле особенно показательно сравнение грамматических с общим числом однородных неграмматических и разнородных рифм. Так, если в романе Пушкина — по подсчетам Д. Ворта — грамматически точные рифмы составляют 43,4 % (Worth 1978: 812), то в стихе Ломоносова — 42,1 %⁶. Можем предположить, что заданный поэтом грамматический контраст, со временем несколько снижаясь, уступает место контрасту синтаксическому (более свободному расположению синтагм в пределах стихов и строф)⁷.

⁶ В действительности доля грамматически точных рифм у Ломоносова много меньше указанной, поскольку поэт использует большое количество имен собственных, рифмуя их, как правило, с нарицательными (*Аввакум — дум, Енисей — зверей, Невтоны — законы, Берлина — исполина, Каияфа — итрафа*). Д. Ворт в своем анализе рифмы «Евгения Онегина», фиксируя грамматические контрасты среди *сущ.*, относит рифмы собств. / нарицат. ко 2-й Группе, т. е. грамматически нетождественных.

⁷ Ср. данные по грамматико-синтаксическому контрасту у Т. Шоу (Shaw 1974: XXXIII).

Таблица 3. Грамматические контрасты в однородных рифмах (по числу рифмопар)⁸

	Грамматические контрасты	Количество рифмопар		
		О	П	Всего
Гл. + гл.	Без контрастов	1378	138	1516
	Вид	247	28	275
	Вид + время	58	6	64
	Число + лицо	1		1
	Вид + наклонение + время	1	1	2
	Наклонение + время + число	1		1
	Наклонение + число + лицо	3		3
	Вид + наклонение + число + лицо	1		1
	Наклонение + время + число + лицо	8	2	10
	Вид + наклонение + время + число + лицо	17	1	18
	Всего	1715	176	1891
Деепр. + деепр.	Без контрастов	32		32
	Вид	1	1	2
	Всего	33	1	34
Мест. + мест.	Лицо	5		5
	Падеж	1		1
	Лицо + число	8	2	10
	Лицо + род	1		1
	Лицо + падеж	3		3
	Лицо + число + падеж	3	3	6
	Всего	21	5	26

⁸ В ряде случаев слова одной части речи обладают разным набором грамматических характеристик (так, *сущ. pluralia tantum* не характеризуются по роду, возвратные *мест.* не имеют лица и числа, императивы — времени, и т. д.). При составлении таблиц каждое отсутствие совпадения по количеству грамматических характеристик слов в однородной рифме квалифицировалось как несовпадение, т. е. как наличие грамматического контраста. Например, для рифмопары *годится* (гл. *несов. наст. ед. 3 л.*) — *крушиться* (гл. *несов. инф.*) фиксировалось наличие четырех контрастов: по наклонению, времени, числу и лицу; для рифмопары *насильный* (прил. *м. ед. им.*) — *обильны* (прил. *мн. им.*) фиксировалось наличие двух контрастов: по роду и числу.

Мест.-прил. + мест.-прил.	Без контрастов	11	1	12
	Род	5	1	6
	Падеж	13	2	15
	Род + число	1		1
	Род + падеж	2	1	3
	Род + число + падеж	2		2
	Всего	34	5	39
Нареч. + нареч.	Без контрастов	38	6	44
	Всего	38	6	44
Предикат. + предикат.	Без контрастов	1		1
	Всего	1		1
Прил. + прил.	Без контрастов	171	19	190
	Род	7		7
	Падеж	63	8	71
	Род + число	5	2	7
	Род + падеж	13	1	14
	Род + число + падеж	14		14
	Всего	273	30	303
Прич. + прич.	Без контрастов	128	9	137
	Род	1		1
	Падеж	9	1	10
	Род + число	3		3
	Род + число + падеж	6	1	7
	Всего	147	11	158
Сравн. + сравн.	Без контрастов	5		5
	Всего	5		5
Сущ. + сущ.	Без контрастов	865	66	931
	Род	274	24	298
	Число	1		1
	Падеж	360	21	381
	Род + число	24		24
	Род + падеж	302	18	320
	Число + падеж	116	9	125
	Род + число + падеж	388	26	414
	Всего	2330	164	2494

Ни в одном из жанров Ломоносов не использовал все 57 грамматических типов рифм (сочетаний одинаковых или различных частей речи), которые встречаются в его поэзии. Наиболее разнообразной по количеству типов (с учетом статистически репрезентативного количества стихов) является трагедия (44 типа), наименее — эпическая поэма (31 тип). Менее объемные жанры используют от 26 (надпись) до 9 (басня) типов грамматических сочетаний (см.: Табл. 4). Максимальное количество однородных рифм встречается в оде, как торжественной (74,5 %), так и духовной (75,3 %), минимальное — в трагедии (69,3 %). Тем самым ломоносовская трагедия является своего рода «полем рифменного эксперимента» для грамматического контраста по сравнению не только с основными высокими жанрами, но и с некоторыми низкими жанрами, предполагающими, на первый взгляд, бóльшую свободу от ограничений и тем самым бóльшую степень разнообразия грамматических типов (как, например, басня, тяготеющая у Ломоносова преимущественно к однородной рифме (83,7 %)).

Еще отчетливее жанровые различия проявляются в соотношении наиболее популярных типов грамматических сочетаний в рифмопарах. Максимум использования рифм *сущ. + сущ.* характерен для эпической поэмы (здесь они составляют 44,3 % от всех типов рифм) и послания (43,8 %), минимум — для трагедии (27,8 %) и духовной оды (29,9 %). В то же время именно в трагедии и духовной оде особенно высока популярность рифмопар *гл. + гл.*: только в этих двух жанрах они опережают рифмы *сущ. + сущ.*, составляя, соответственно, 32,7 % и 33,1 %; в эпической поэме доля однородных глагольных рифм, напротив, минимальна (20,0 %). Третья по частотности использования рифмопара *гл. + сущ.* демонстрирует незначительный разброс употребительности в разных жанрах: максимальное количество встречаем в трагедии (9,1 %), минимальное — в торжественной оде (6,1 %). Менее популярные типы грамматических сочетаний у Ломоносова — *прил. + сущ.*, *прил. + прил.*, *мест. + сущ.* — не выявляют отчетливого различия между жанрами.

Таблица 4. Грамматические типы рифм, клаузулы и жанры (Окончание)

	Всего					Проч.	Всего
	Эпос			Драма			
	XVI	XVII	XVIII	XIX			
Сущ. + сущ.	19	3	284	435	12	2494	
Гл. + гл.	68	2	128	511	12	1891	
Гл. + сущ.	5	2	54	143	2	491	
Прил. + сущ.	1		45	63		324	
Прил. + прил.			27	61	1	303	
Мест. + сущ.	3		14	47	1	186	
Прич. + прич.			13	35		158	
Мест.-прил. + сущ.	3		9	37	1	157	
Нареч. + сущ.	3		10	24	1	114	
Прич. + сущ.			16	31		112	
Мест. + мест.-прил.				15		56	
Нареч. + прил.			1	17		54	
Нареч. + нареч.			4	7		44	
Прил. + прич.			5	7		43	
Деепр. + сущ.			7	11		42	
Мест.-прил. + мест.-			1	10	1	39	
Деепр. + деепр.			2	11		34	
Мест.-прил. + прил.			2	3		34	
Деепр. + прил.	1		3	14		29	
Мест. + мест.				13		26	
Гл. + мест.-прил.			2	5		19	
Гл. + прил.			1	12		18	
Деепр. + мест.			1	9		17	
Предикат. + сущ.			1	3		14	
Гл. + нареч.				1		13	
Мест. + прил.			1	1		9	
Предикат. + прил.				8		9	
Гл. + мест.				5		8	
Гл. + прич.			1	2		8	
Деепр. + мест.-прил.		1	1	3		8	
Нареч. + предикат.				4		8	
Сравн. + сравн.			1			5	
Сравн. + сущ.			2	2		5	

Гл. + деепр.			2	2		4
Гл. + предикат.				2		4
Предл. + сущ.				1		3
Сущ. + числ.				1		3
Мест. + нареч.				1		2
Мест. + числ.	1			1		2
Мест.-прил. + нареч.				1		2
Мест.-прил. + прич.				1		2
Мест.-прил. + сравн.						2
Предл. + сравн.			1			2
Вв.сл. + нареч.						1
Вв.сл. + предикат.						1
Вв.сл. + прил.				1		1
Гл. + союз						1
Деепр. + нареч.			1			1
Межд. + сущ.						1
Мест. + прич.				1		1
Мест.-прил. + числ.						1
Нареч. + прич.				1		1
Нареч. + союз						1
Нареч. + сравн.						1
Предикат. + предикат.				1		1
Предл. + прил.						1
Прил. + числ.			1			1
ВСЕГО	104	8	641	1564	31	6812

Не последнюю роль в распределении популярных рифмопар по жанрам играет метрико-строфическая структура последних, поэтому приоритеты грамматических типов сочетаний в торжественной оде, где женских окончаний в 1,5 раза больше, нежели мужских, в ряде случаев рифменно противопоставляют этот лирический жанр двум другим высоким — эпической поэме и трагедии. И в то же время для отдельных типов рифм обнаруживается существенно больший контраст в распределении по двум последним из указанных жанров, несмотря на их общую метрическую принадлежность (6-стопный ямб) и равную долю мужских и женских окончаний. Так, мужские рифмопары *сущ. + сущ.* в эпической поэме составляют 50,5 %, в то время как в трагедии лишь 25,5 %; торжественная ода занимает при этом «промежуточное» положение, приближаясь

к поэме (45,4 %). Не менее заметно различие в употребительности мужских рифмопар *гл. + гл.*: если в трагедии на них приходится 32,1 %, то в эпической поэме 11,0 %; как и в первом случае, торжественная ода демонстрирует средние величины — 17,6 %. Отчетливые приоритеты в выборе грамматических типов ода обнаруживает в мужских рифмах *гл. + сущ.*, *мест. + сущ.* и *мест.-прил. + гл.*; тогда как к рифме *прич. + прич.* обращается много реже, нежели поэма и трагедия. В женских рифмах жанровые различия выражены слабее и отражают общую тенденцию распределения частей речи на конечной позиции стиха. Рифмопары *сущ. + сущ.* наиболее часты в эпической поэме (38,2 %), несколько реже используются в торжественной оде (36,1 %), еще реже — в трагедии (30,1 %). Женские *гл. + гл.* популярны в трагедии (33,3 %), менее распространены в торжественной оде (30,8 %) и поэме (28,9 %). Если использование мужских рифм *гл. + сущ.* не выявляет заметного различия между жанрами, то употребление женских рифм такого грамматического типа, напротив, отчетливо дифференцирует высокие жанры: в трагедии на рифмы *гл. + сущ.* приходится 5,0 % рифм; в эпической поэме и торжественной оде их частотность в 2,5 раза ниже — соответственно, 2,2 % и 1,8 %.

Проследивая эволюцию грамматики русской рифмы, М. Л. Гаспаров опирался на статистику наиболее употребительных в русском стихе сочетаний частей речи в мужских и женских окончаниях (Gasparov 2010), позволяющую подтвердить общее направление к постепенной деграмматизации, пики которой приходятся на границы между XVII и XVIII вв., а также между XIX и XX вв. И несмотря на то, что «в промежутке эволюция менее заметна» (Gasparov 2010: 294), различия в употребительности частотных грамматических типов достаточно отчетливо показывают постепенную смену приоритетов рифмовки на протяжении XVIII–XIX вв. В то же время при сопоставлении с рифменными предпочтениями в разных жанрах у Ломоносова они позволяют выявить ранее не вполне очевидную закономерность: доли грамматических сочетаний в рифмах поэтов XVIII–XIX вв. различаются менее значительно, нежели в ведущих жанрах Ломоносова. Для наиболее распространенного типа мужских рифм *сущ. + сущ.* общие доли в рифменном репертуаре поэтов разнятся хотя и ощутимо (48 % у Ломоносова, 36 % у Пушкина, 33 % у Некрасова, 34 % у Фета (Gasparov 2010: 301)), но все же не столь значительно, как в основных жанрах Ломоносова — торжественной оде, эпической

поэме и трагедии (соответственно — 45 %, 50 % и 25 %); та же картина и в мужских сочетаниях *зл. + зл.* — 16 % у Ломоносова, 16 % у Пушкина, 20 % у Некрасова, 14 % у Фета (Gasparov 2010: 301), в то время как ломоносовская трагедия прибегает к этой рифме почти в 3 раза чаще (32 %), нежели эпическая поэма (11 %).

Все сказанное дает возможность заключить, что отмеченный исследователями рост в начале XIX в. грамматического контраста в рифмах, связан не только и даже не столько с повышением доли разнородных рифм, сколько, вероятно, со своеобразной «унификацией» поэтического языка, т. е. нивелированием ярко выраженных рифменных предпочтений, зависевших в поэтическом языке Ломоносова в значительной мере от жанра. Не только тема и эмотивная функция, неизбежно диктующие лексико-синтаксический строй, но и грамматика рифмы, вероятно, отразили представления реформатора русского стиха о разных типах поэтических высказываний, в организации которых важнейшую роль играет метрико-строфический и рифменный строй.

Список условных сокращений

1. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ И СТИХОВЕДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РИФМЫ

О — количество употреблений в оригинальном тексте

П — количество употреблений в переводном тексте

Р — количество употреблений в рифмованном стихе

Б — количество употреблений в белом стихе или без рифмопары

М — метрический контекст / количество метрических контекстов

С — строфический контекст / количество строфических контекстов

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

сущ. — имя существительное

прил. — имя прилагательное

прил. превосх. — имя прилагательное в превосходной степени

мест. — местоимение

мест.-прил. — местоимение-прилагательное

числ. — количественное числительное

числ.-прил. — порядковое числительное и числительное *один*

гл. — глагол

сравн. — сравнительная степень имени прилагательного или наречия

прил. сравн. — сравнительная степень имени прилагательного (на *-ий*)

нареч. — наречие

предикат. — предикатив

предл. — предлог

част. — частица
межд. — междометие
вв. слово — вводное слово
м. — мужской род
ж. — женский род
ср. — средний род
1 л. — первое лицо
2 л. — второе лицо
3 л. — третье лицо
ед. — единственное число
дв. — двойственное число
мн. — множественное число
собир. — собирательное имя существительное
им. — именительный падеж
род. — родительный падеж
дат. — дательный падеж
вин. — винительный падеж
тв. — творительный падеж
пр. — предложный падеж
зв. — звательный падеж
сов. — совершенный вид
несов. — несовершенный вид
инф. — инфинитив
наст. — настоящее время
прош. — прошедшее время
буд. — будущее время
повел. — повелительное наклонение
гл. безл. — безличный глагол
прич. — причастие
деепр. — деепричастие
действ. — действительный залог
страд. — страдательный залог

3. МЕТРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Метры

Х — хорей

Я — ямб

Д — дактиль

Ам — амфибрахий

Ан — анапест

Лог — логоэды

Гк — гекзаметр

Дк — дольник

Размеры

Х4 — четырехстопный хорей

Я6 — шестистопный ямб

Дк4 — четырехиктный дольник

Рз — разностопные (разноударные) размеры

В — вольные размеры

4. КАТАЛЕКТИКА

м — мужская (нулевая) клаузула

ж — женская (односложная) клаузула

д — дактилическая (двусложная) клаузула

5. СТРОФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Строфическое строение

Астрофич. п. р. — астрофический стих парной рифмовки

Астрофич. в. р. — астрофический стих вольной рифмовки

Астрофич. б. с. — астрофический белый стих

Од. — одиночная строфа

Схема рифмовки

а, А, А' (b, В, В' и т. д.) — рифмованный стих с мужским, женским, дактилическим окончанием

х, Х, Х' — холостой стих с мужским, женским, дактилическим окончанием

АбАбССдЕЕд — схема одической строфы (жирным шрифтом выделены позиции рифмующихся слов «питают», «украшают»)

Литература

Gasparov, M. L. 2010: [The evolution of Russian rhyme]. In: Kazansky, N. N. (red.) *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 1. Khvorostianova, E. V. (sost., predisloviye i primech.). Issledovaniya i materialy po stikhoslozheniyu M. V. Lomonosova [The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 1. Khvorostianova, E. V. (ed., foreword and comment). Research and findings for the versification of by M. V. Lomonosov]*. SPb.: Nestor-Istoriya, 290–326.

Гаспаров, М. Л. 2010: Эволюция русской рифмы. В сб.: Казанский, Н. Н. (ред.) *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 1*. Хворостьянова, Е. В. (сост., предисловие и примеч.). *Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова*. СПб.: Нестор-История, 290–326.

Jakobson, R. 1962: [Toward a linguistic analysis of Russian rhyme]. In: Jakobson, R. *Studies in Russian Philology (Michigan Slavic Materials 1)*. Ann Arbor, 1–13.

- Jakobson, R. 1962: К лингвистическому анализу русской рифмы. В сб.: Jakobson, R. *Studies in Russian Philology (Michigan Slavic Materials 1)*. Ann Arbor, 1–13.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2010: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 2*. Laletina, O. S., Khvorostianova, E. V. *Metrikostrophichesky spravochnik k proizvedeniyam M. V. Lomonosova* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 2*. Laletina, O. S., Khvorostianova, E. V. *Metrics and verse patterns thesaurus to works by M. V. Lomonosov*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2010: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 2*. Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. *Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова*. СПб.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2011a: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 3*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (sost.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (otv. red.). *Slovar' riphm M. V. Lomonosova: Leksikon stikhovykh okonchaniy* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 3*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (comp.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (ex. ed.). *The dictionary of the rhymes: Lexicon of verse endings*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2011a: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 3*. Захарова, Е. А., Лалетина, О. С., Матвеев, Е. М. (сост.), Волков, С. С., Хворостьянова, Е. В. (отв. ред.). *Словарь рифм М. В. Ломоносова: Лексикон стиховых окончаний*. СПб.
- Kazansky, N. N. (ed.). 2011b: *Slovar' yazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovaryu 4*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (sost.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (otv. red.). *Slovar' riphm M. V. Lomonosova: Obratny slovar' rifmennyykh segmentov i bezrifmennyykh okonchaniy. Ukazateli* [*The Dictionary of Lomonosov's Language. Findings for the dictionary 4*. Zakharova, E. A., Laletina, O. S., Matveev, E. M. (comp.), Volkov, S. S., Khvorostianova, E. V. (ex. ed.). *The dictionary of the rhymes: Reverse dictionary of rhyming segments and non-rhyming endings. Index*]. SPb.
- Казанский, Н. Н. (ред.) 2011b: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю 4*. Захарова, Е. А., Лалетина, О. С., Матвеев, Е. М. (сост.), Волков, С. С., Хворостьянова, Е. В. (отв. ред.). *Словарь рифм М. В. Ломоносова: Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели*. СПб.
- Lotman, Yu. M. 1972: *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [*Analysis of the poetic text. Verse structure*]. Leningrad.
- Лотман, Ю. М. 1972: *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Л.

- Schirmunsky, V. M. 1975: [Rhyme, its history and theory]. In: Schirmunsky, V. M. *Teoriya stikha*. [Verse theory]. Leningrad: Sovetsky pisatel', 233–240.
- Жирмунский, В. М. 1975: Рифма, ее история и теория. В сб.: Жирмунский, В. М. *Теория стиха*. Л.: Советский писатель, 233–430.
- Shaw, J. Th. 1974: *Pushkin's rhymes: a dictionary*. Madison.
- Shaw, J. Th. 1975a: *Baratynskij: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry*. Madison.
- Shaw, J. Th. 1975b: *Batiushkov: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry*. Madison.
- Shaw, J. Th. 2004: [Parts of speech in Pushkin's rhymes]. In: *Slavyansky stikh. VII: Lingvistika i struktura stikha* [Slavic verse. VII: Linguistics and the structure of the verse]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 339–385.
- Шоу, Дж. Т. 2004: Части речи в рифмах Пушкина. В сб.: *Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха*. М.: Языки славянской культуры, 339–385.
- Worth, D. 1978: [On the grammatical component of Slavic rhyme (on the material of «Eugene Onegin» by A. Pushkin)]. *Linguistics and Poetics: American Contributions to the VIII-th International Congress of Slavists. Columbus, 1978*. Vol. 1, 774–818.
- Worth, D. 1978: О грамматическом компоненте славянской рифмы (на материале «Евгения Онегина» А. Пушкина). *Linguistics and Poetics: American Contributions to the VIII-th International Congress of Slavists. Columbus, 1978*. Vol. 1, 774–818.